

Фантастический рассказ

Н суклюжие с виду автоматы ловко и бесшумно покрывали корпус «Одиссея» последним защитным слоем. Методично, без лишних движений продвигались они вдоль металлического каркаса, отбрасывая удлиненные тени на шероховатый скальный грунт планеты. Черные остроконечные вершины гор на горизонте жадно поглощали остатки пламенеющего диска Проциона — последней звезды этого сектора Галактики.

Завтра «Одиссей» стартует к Земле, увозя с собой новые крупинцы знания, вырванные у черной космической бездны

ценой многих лет одиночества, порой отчаяния, все растущей ностальгии.

Команда «Одиссея» возвращалась, овеянная славой первооткрывателей — никому еще не удавалось забираться так далеко. Быть может, Кортес, командир корабля, рискнул бы продолжить полет дальше, за пределы четвертого сектора, но неожиданный взрыв сверхновой в корне изменил его планы. Мощная гравитационная буря неотвратимо надвигалась на крайние звездные системы третьего сектора, и войти в этот сектор было равносильно самоубийству. В такой ситуации возвращение в солнечную систему было единственным разумным решением.

Фокс подошел к металлическому каркасу и вошел в лифт. Поднялся в Центр управления. Здесь царили тишина и покой. Лишь сквозь прозрачную панель блока памяти было видно, как сновали в бешеном ритме кассеты с мнемокристалликами, непрерывно снабжая компьютеры новыми данными для вычислений. По-видимому, цикл расчета обратной траектории «Одиссея» еще не был завершен. И неудивительно, если учесть те новые условия, в которых они оказались.

Вот уже несколько дней Фокс не мог спокойно работать. Им владело какое-то непривычное, гнетущее чувство тревоги. Нет, это был не страх. Ведь страх — Фокс в этом не раз убеждался — всегда имеет определенную реальную причину, которую можно проанализировать и попытаться устранить. Чувство же, овладевшее им, было тем более мучительно, что совершенно не поддавалось объяснению. Он внезапно ощущал резкий сердечный спазм, его сознание охватывала тревога, казалось, даже мозг замирал, а уже спустя несколько мгновений это состояние проходило, и он силой воли заставлял себя спокойно заниматься своим делом. Но и это продолжалось недолго. Быстро наступало утомление, заставлявшее его, совершенно безоружного перед безумными мыслями, безвольно откидываться в кресло.

Вновь и вновь возвращался он мысленно к моменту посадки на П-3, еще раз с самого начала анализируя все, что тогда произошло.

Франк первый принес весть о сигналах, поступающих с планеты П-3. В системе Проциана она была третьей, считая от звезды, и они намеревались миновать ее, так как почти полное отсутствие атмосферы и ничтожные размеры планеты не сулили никаких открытий.

Тщательный анализ спектра испускания выявил характер сигналов. Правда, по силе они едва превосходили уровень шумов, но уже с первого взгляда производили впечатление кодированной информации. Разумеется, это была всего лишь гипотеза — тем более, что сигналы внезапно ослабли, и нельзя было даже мечтать об их расшифровке. Однако ни одним шансом — если только таковой существовал — пренебрегать было нельзя.

Кортес принял решение изменить курс. Цифроны быстро

пересчитали параметры кривой Гольдбаха и цикла посадки. «Одиссей» отклонился от оси системы в сторону орбиты П-3.

Выйдя на орбиту, они могли невооруженным глазом наблюдать на мониторах скальные массивы, изрезавшие поверхность планеты во всех направлениях. Прекрасная видимость сама по себе свидетельствовала о необычно разреженной атмосфере.

Корабль по спиральной траектории медленно подошел к месту посадки, сел на скальный грунт. «Одиссей» оказался в центре небольшой котловины, с трех сторон окруженной высокими горными хребтами. С четвертой стороны, за обрывистым склоном, лежало совершенно плоское плато.

Первыми, как обычно, на поверхность планеты вышли цифроны с рабочими автоматами. У Фокса всегда вызывало зависть это их право первого шага. Разумеется, он знал, что все это делается ради безопасности людей, но все же первый шаг — это первый шаг.

Через несколько минут были получены первые данные: атмосфера на П-3 очень разрежена, содержит четыре процента кислорода, остальное — азот, гелий, аргон; притяжение также незначительно — пятая часть земного; слабое магнитное поле, мощное собственное гамма-излучение и космическое. Период обращения вокруг собственной оси — семь часов двадцать минут, а вокруг Прокциона — около 4200 земных часов.

Эти данные не содержали ничего сенсационного. Следов белка цифроны не обнаружили. После проведенной автоматами рекогносцировки на поверхность планеты вышли Фокс и Томас, чтобы произвести обычные в таких случаях замеры и наблюдения.

— ...Расчет обратной траектории закончен, — монотонным голосом произнес робот.

Фокс очнулся от воспоминаний: перед ним стоял цифрон, держа в протянутом манипуляторе кассету с лентой.

Фокс даже не пытался вникнуть в смысл этих слов. Он неотрывно смотрел на пять стальных, покрытых пластиком пальцев манипулятора, которые крепко держали кассету.

«Какого дьявола их не называют просто руками? — думал он. — Мы сконструировали по своему образу и подобию кибернетические создания, превосходящие нас почти по всем показателям, а теперь боимся признать, что они на нас похожи... Прячемся за разные там термины: «манипуляторы», «перцепторы»... Вся эта врожденная магаломания не позволяет нам признать за ними право свободно мыслить, хотя, честно говоря, мы не очень-то представляем себе, что у них там в котелке варится. Удовлетворяемся обманчивым сознанием неограниченной власти над ними».

Он медленно протянул руку, чтобы взять у цифрона кассету. Посмотрел роботу в «лицо»: главные линзы глядели прямо в глаза Фоксу. «Видеорецепторы, черт бы их побрал! Да от одного их взгляда тронуться можно!» — Фокс внезапно поймал себя на том, что всю злость, которая так часто овладевала им, он подсознательно перенес с людей на

цифронов. Все чаще и чаще именно на них вымещал он свою тоску и тревогу.

— Можешь идти, — взяв себя в руки, спокойно сказал он. — Пусть автоматы проверят вакуум в акселерационных трубах. Направь также вездеход за командой. Может, они чересчур нагружены и поэтому задерживаются с возвращением.

Цифрон двинулся к выходу. Шел он ровным, размеренным шагом и в своем комбинезоне был сзади почти неотличим от человека. Это был самый совершенный автомат, сконструированный на Земле. И все же каждый из четырех членов экипажа относился к цифронам с едва прикрытой неприязнью. Быть может, это была подсознательная зависть, вызванная их безотказностью и выносливостью? А может, обыкновенный страх перед конкуренцией, которую составляли они людям во время дальних космических рейсов?

Истекали уже вторые сутки пребывания «Одиссея» на П-3, и сигналы, которые их привели сюда, все не повторялись. Кортес уже усомнился в том, что им удастся найти источник этих сигналов, и готов был приписать все это какой-то необъяснимой ошибке.

Тем не менее предпринятые исследования указывали на то, что естественный облик планеты — его-то после стольких лет они умели безошибочно угадывать — был слегка нарушен. Несколько раз наталкивались они на внезапно исчезающие в скальной расщелине следы, которые напоминали рисунк, оставляемый гусеницами вездехода. Этим следам местами сопутствовали единичные углубления размером с крупную монету, неожиданно появившиеся и столь же неожиданно пропадавшие...

— Возвратилась экспедиционная группа. Направляю рабочие автоматы...

Цифрон снова стоял перед Фоксом, ожидая согласия. Тот тяжело поднялся с кресла и посмотрел на второй монитор.

У подножия «Одиссея» Кортес с двумя другими членами команды — Франком и Томасом — суетились вокруг вездехода в ожидании автоматов, на которые, как обычно, возлагалась выгрузка аппаратуры и проб грунта. Второй вездеход, высланный цифроном, стоял рядом пустой.

— Вышли автоматы, — приказал Фокс роботу.

Цифрон обернулся к бортовому пульту управления и, не включая транслятор, внутренним кодом автоматов отдал какие-то распоряжения. Фокс бросился к пульту, дернул цифрона за плечо:

— Почему ты не пользуешься транслятором? Каждое распоряжение ты должен отдавать на нашем языке! Для этого имеется транслятор, и ты не должен обходиться без него!

Цифрон спокойно и размеренно, как того требовала выучка, произнес:

— При непосредственном общении цифронов с автоматами допускается применение внутреннего кода без транслятора. Это обеспечивает быстроту...

Сухой и деловой тон ответа обнажил перед Фоксом весь идиотизм ситуации. Ведь то, что он услышал, бесспорно, а его претензии, с точки зрения цифрона, бессмысленны; если бы цифрон так же отдал распоряжение в отсутствие Фокса, не возникло бы никаких вопросов. Но эта дурацкая тревога...

— Отныне ты должен пользоваться транслятором. Распоряжения можешь отдавать только в присутствии кого-либо из членов экипажа.

— Хорошо.

Фокс почувствовал облегчение. Цифрон повернулся к монитору и стал внимательно наблюдать, как автоматы выгружают из вездехода контейнеры с образцами и ставят их в лифт. Огромный диск Проциона уже почти не был виден из-за гор, лишь кровавое мерцание пробивалось сквозь черноту ночи. Резкие лучи света рефлекторов «Одиссея» освещали место посадки, вездеходы и усердно спящие автоматы. Никого из членов экипажа не было видно — должно быть, они уже поднялись на борт корабля.

Действительно, вскоре появился Кортес. С шумным вздохом он бросил в угол кислородный аппарат и повернулся в сторону Фокса:

— Привет, Фокс, как дела? — По своему обыкновению ответа он не ждал. — Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Нам там здорово пришлось повкалывать; к тому же Томас повредил себе руку, когда вырубал образцы, и сейчас за него взялись автомеды. Вообще-то хорошо, что мы скоро возвращаемся, я уже здорово скучаю по старушке Земле.

Фокс изобразил гримасу, которая должна была означать вежливую улыбку, и направился к выходу. Он никогда не любил Кортеса, а во время экспедиции эта антипатия усилилась вдвойне. Кортес казался Фоксу слишком ограниченным. Конечно, ему нельзя было отказать в решительности и в организаторских способностях, но безапелляционный, самоуверенный тон его высказываний действовал Фоксу на нервы. А с момента посадки на П-3 неприязнь к Кортесу постепенно переходила в ненависть...

ПЕРВОГО заметил цифрон, подготавливающий стартовую площадку вокруг «Одиссея». Они тогда уже отказались от дальнейших поисков, убедив себя, что таинственные следы, обнаруженные поблизости, остались еще со времен чьей-то другой, неизвестной им экспедиции. Принятые ими ранее сигналы так и не повторились.

Цифрон сообщил в Центр управления о неизвестном объекте, приближавшемся к «Одиссею» со стороны второго квадрата. Кортес приказал роботу немедленно вернуться на корабль. Все бросились к мониторам.

По неровному, слегка покрытому пылью грунту планеты медленно и неуклюже двигалось какое-то странное паукообразное существо. Шесть упругих, как бы телескопических конечностей поддерживали в равновесии массивное, поблескивавшее металлом туловище. Спина — вогнутая и идеаль-

но гладкая — удивительно напоминала сферическое зеркало, со всех сторон окруженное многогранной глыбой туловища. Изогнутая скалами тень «паука» оживляла мертвый ландшафт планеты. Анализаторы спектра на борту корабля чуть слышным постукиванием давали знать о приеме сигналов ниже уровня шумов.

Фокс подбежал к печатающему устройству. Антенны анализатора принимали — одновременно по обоим каналам — пучки немодулированных импульсов продолжительностью по несколько десятков миллисекунд. Они подавались в микроволновом диапазоне. Но и в инфракрасном диапазоне также регистрировалось слабое излучение.

Существо медленно приблизилось к одному из сопел «Одиссея». Вело оно себя при этом как животное, натолкнувшееся на неизвестный предмет и теперь с интересом его обнюхивающее. Потом оно подняло одну из конечностей и медленно поднесло ее к соплу корабля...

Затаив дыхание астронавты следили за каждым движением «паука». У Фокса бешено колотилось сердце, а пальцы все сильнее стискивали металлический корпус монитора. Томас, будто его осенило, подбежал к анализатору спектра и включил акустический преобразователь, чтобы услышать сигналы, издаваемые «пауком» в звуковом диапазоне. Раздались короткие, робкие звуки генератора.

Первым заговорил Кортес, почему-то шепотом:

— Его надо поймать! Он, пожалуй, не опасен: мониторы излучения не дают сигналов тревоги. В общем, пошлем за ним цифрона с четырьмя автоматами. Они справятся.

— Я считаю, что следует обождать. К чему спешить? Наверняка он не один. И потом, хватать каждое существо на этой планете — не лучший способ установления контакта. Может, он сам к нам придет?

Фокс нарочно говорил громко, рассчитывая, что Франк или Томас его поддержат. Но они даже не посмотрели в его сторону, делая вид, что их интересует только поведение ПЕРВОГО. Кортес и на сей раз не намерен был отступить от своего первоначального решения.

— О какой цивилизации здесь можно говорить? Ты собираешься устанавливать контакт с этой жестяной коробкой на ногах? Да наши автоконсерваторы гораздо разумнее! Нечего спорить, надо его брать. Может, в конце концов чего-нибудь дознаемся! А вдруг именно для этого его и прислали сюда?

Фокс знал, что дальнейший спор бесполезен. Франк и Томас молчали; у него было такое впечатление, что они еще раньше отказались от всяких попыток вступать в дискуссию с Кортесом. И ему пришло в голову, что Кортесом движет давно известное чувство, то, которое в незапамятные времена вело конкистадоров, — ложно понятая миссия исследователя-открывателя.

В ярости он снова повернулся к монитору. За спиной услышал голос Кортеса:

— Цифрон! Взять четыре рабочих автомата! Спустишься под третье сопло и досконально исследуешь свойства объек-

та, который там появился. Если он не представляет угрозы, возьми его и помести во вторую лабораторию.

— Хорошо, понимаю.

Они молча продолжали смотреть в монитор. Уже через минуту в поле зрения камеры появились два автомата, которые медленно приближались к ПЕРВОМУ.

Тот, словно человек, ощутивший на затылке чей-то взгляд, резко обернулся к автоматам; за ними появился цифрон. Акустический преобразователь захлестнуло сигналами испуга, то замирающими, то вновь усиливающимися. Автоматы подходили все ближе. ПЕРВЫЙ отступил, касаясь туловищем сопла. Цифрон, по-видимому, никакой опасности не обнаружил, потому что подошел совсем близко. За ним неуклюже двигались еще два автомата, держа наготове мощные магнитные скобы.

ПЕРВЫЙ замер, втиснувшись в шершавый металл сопла. Еще минута, и скобы бесшумно сомкнулись на туловище «паука». Одновременно прекратились постепенно ослабевавшие сигналы преобразователя.

— Ну, переживания позади, теперь посмотрим, что это за монстр, — заговорил Кортес. — Не сокрушайся, Фокс, ты и сам, должно быть, понимаешь, что не так должен выглядеть представитель Разума с большой буквы. Сравни этого паука с самим собой — разве это партнер для разговора?

Кортес рассмеялся, пытаясь, видимо, этим подчеркнуть безобидность своего решения. Фокс чувствовал, как в нем закипает неукротимая ярость. Он медленно подошел к командиру.

— Послушай, Кортес... Я всего лишь жалкий червь по сравнению с тобой — гениальным астрофизиком и к тому же шефом этого бизнеса. Знаю также, что не вправе критиковать твои приказы. Но никто, черт возьми, не запретит мне оспаривать твои «непогрешимые» решения! А они как раз начинают мне осточертевать! Мы ведем себя как гунны! Может, ты скажешь мне, какими критериями руководишься, когда отличаешь мыслящее существо от немыслящего? И чем, черт побери, должны эти существа отличаться внешне?

Последние слова он почти выкрикнул. По мере того, как Фокс говорил, лицо Кортеса наливалось кровью. Сжав кулаки, он двинулся на Фокса. Все ждали, что он ударит его, но Кортес сдержался. На его побагровевшем лице выступили капельки пота. Немного погодя он тихо, почти шепотом, процедил:

— Берегись, Фокс. Здесь команду я... И не для того долгие годы нас тренировали, готовя к этой экспедиции, чтобы сейчас такой соплик, как ты, вдруг пришел к выводу, что я не гожусь ему в шефы! За решения, какие я принимаю, отвечаю я! Для вас они закон! И извольте безоговорочно выполнять их!

Внезапно он успокоился, вновь надев на себя обычную маску непринужденности. На его лице зацвела ироническая, пренебрежительная усмешка.

— Чересчур зафилософствовался, друг мой, чересчур. Ты хорошо знаешь, что в нашем деле излишняя экзальтация никому еще на пользу не шла...

Уже уходя, Кортес снова повернулся к Фоксу и добавил:

— А если когда-нибудь, мой философ, я встречу разумное существо, то сразу же дам тебе знать, авось чему-нибудь научишься. А пока позволь уж мне решать, мыслит ли каждая жестянка или нет.

Он хотел, чтобы все это обернулось шуткой, пустяковой ссорой. По-видимому, чувствовал посягательство на свой авторитет и стремился укрепить его за счет унижения Фокса.

Фокс повернулся к монитору, краем глаза посмотрел на Франка и Томаса. Они сидели, опустив головы. Франк тщательно рассматривал кассету с лентой. Медленно выговаривая слова, будто обращаясь к самому себе, Фокс произнес:

— Я надеюсь, Кортес, что когда-нибудь ты подробнее изложишь нам свои соображения при цифронах. И тогда мы сможем недурно развлечься, наблюдая, как тебя разлагают на простые белковые цепочки. Известно ведь, как цифроны любят учиться, и кто знает, не примут ли они тебя за глуповатую кучу белка.

Фокс медленно шел по коридору, ощущая под ногами слабое дрожание эластичного пола — это работали генераторы ионов в инжекторах и агрегаты термоядерного питания: «Одиссей» готовился к обратному рейсу. Свернув в сторону кибернетических лабораторий, он столкнулся в дверях с Франком.

— Привет! Ты такое видел, Фокс? ВТОРОЙ и ухом не повел. Может, с ним что не в порядке, а?

— Не знаю, я еще не был там.

Фоксу не хотелось вступать в дискуссию. Сейчас, когда все уже знали, что произошло, они выглядели обескураженными. А может, и в самом деле потрясены? Даже Кортес делал вид, что уже забыл о выпаде Фокса.

Снова, как бы издалека, до него донесся голос Франка:

— ...дьявола ты велел ему там сидеть? Этот цифрон устоялся на ВТОРОГО, как на икону, и ничего не делает...

Ему пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы спокойно ответить:

— Это не я. Наверно, Кортес туда его послал. Должно быть, велел ждать, пока ВТОРОЙ не проявит признаков жизни. Впрочем, не знаю. Сам его спроси.

Франк бросил на Фокса удивленный взгляд, сказал:

— На месте Кортеса я приставил бы цифрона к самому себе для наблюдения. В один прекрасный день я, кажется, не выдержу и натворю ему бед.

«Эге, видать, и Франку Кортес порядком насолил. Должно быть, во время вылазки на планету. Уж если и они получили по рукам, то, может, кто-нибудь из них отважится наконец поднять голос на шефа. По правде говоря, его давно уже следовало проучить». Фокс с наслаждением думал о бунте против Кортеса.

Он видел, как шевелились губы Франка, с облегчением дающего волю своим обидам, но слов не слышал.

«Черт побери, да мне в таком состоянии совсем недолго бунт учинить! Уж лучше отдать себя на попечение автомата!» — думал он. Последняя мысль несколько отрезвила его. Он сознавал, что их взаимная неприязнь ни к чему хорошему привести не может. Эти нескончаемые годы, в течение которых они видели перед собой одни и те же лица, обменивались одними и теми же жестами, гримасами, привычками, одними и теми же шутками и анекдотами — все это уже давало о себе знать. Каждое минимальное несовершенство характера выросло до уровня психологической несовместимости.

Франк, видно, заметил, что Фокс его не слушает, буркнул что-то себе под нос, кивнул и вышел, закрывая за собой дверь лаборатории. Фокс опомнился. «Скоро меня тут будут считать помешанным», — подумал он и посмотрел в сторону ВТОРОГО.

Тот лежал на полу у противоположной стены лаборатории. Рядом в бездействии стояли автоматы, а возле них, опершись о стену, цифрон. Краем глаза Фокс заметил, как медленно — очень медленно — замирало движение ленты в прозрачном блоке внешней памяти. Он подошел к цифрону:

— Кто пользовался компьютером?

Цифрон повернулся к нему, размеренно ответил:

— Я. Произошла авария пульта СВ, и мне пришлось транслировать распоряжения для автоматов с помощью компьютера.

— Но ты же мог... — Фокс замолчал. Вспомнил, что сам запретил цифронам пользоваться внутренним кодом. «Мало того, что сам с ума схожу, так еще из цифрона хочу сделать сумасшедшего». — Ладно, не торчи здесь. Ступай в центральный отсек. Я сам останусь с автоматами

Только когда цифрон вышел, Фокс повернулся ко ВТОРОМУ. Тот лежал без движения, схваченный магнитными скобами. Выглядел он скорее примитивным роботом, чем разумным представителем чужой планеты.

Когда Фокс зашел во вторую лабораторию, Франк и Кортес уже были там. На столе лежал ПЕРВЫЙ. По сторонам стояли четыре автомата и цифрон. В полированной вогнутой спине ПЕРВОГО отражались огоньки лабораторных светильников. В передней части многогранного туловища виднелись четыре маленьких сферических углубления. Само туловище уже с первого взгляда производило впечатление металлического, что, впрочем, подтвердил и цифрон.

В нижней части туловища, укрепленные на шести эластичных овальных суставах, располагались многочисленные конечности; сейчас они лежали, беспомощно разбросанные в стороны.

Фокс приблизился к «пауку». Он напоминал примитивную электрическую игрушку для детей, пример простейшей кибернетической модели первого поколения. Не отводя взгляда от ПЕРВОГО, Фокс бросил через плечо цифрону:

— Что с ним? Он что-нибудь излучает?

— Нет, но внутри у него должен быть какой-то источник питания, потому что, когда мы его взяли в петлю, анализаторы обнаружили какие-то периодические токи. А излучает он всего лишь слабое магнитное поле, наподобие наших автоматов.

В этот момент отозвался Франк:

— Мы пытались установить с ним какой-нибудь контакт. Это углубление на спине напоминает параболическую антенну — и мы посылали в нее различные сигналы. Но все впустую. Ни на инфракрасные, ни на микроволны он не реагировал. И на тот слабый пучок, который мы раньше перехватили, тоже нет. Не может быть, чтобы он не мог эти сигналы принять, ведь они были так хорошо сколламированы и чертовски сильны!

«Даже если он их и принимал, то имел право не реагировать. На его месте я поступил бы точно так же». Фокс открыл уже было рот, чтобы произнести это вслух, но вспомнил, что все это лишено смысла. Кортес имел бы снова удобный случай, чтобы попрекнуть его чрезмерной экзальтацией и психологизированием. А Кортес как раз выпрямился, нарочито громко вздохнул и пошел к двери. В ней задержался на миг и, не оборачиваясь, изрек:

— Ждем еще два дня. Если он так и не дернется, это будет означать, что с ним что-то не в порядке, и тогда правильнее всего будет проанализировать его конструкцию. Это будет, думаю, несложно; наверняка у него есть какая-то примитивная память. Если нам удастся ее раскодировать, то узнаем, по крайней мере, кто его направил.

Прежде чем Фокс открыл рот, Кортес захлопнул за собой дверь.

Так и случилось.

В течение двух дней вместе с Томасом они предпринимали тщетные попытки установить контакт с ПЕРВЫМ. Потом за него взялись молчаливые автоматы и цифроны. За несколько дней они раскрыли большинство тайн ПЕРВОГО. Вопреки ожиданиям его конструкция оказалась очень сложной: узел навигации, а может, и коммуникации, основывался на системе четырех молекулярных генераторов, управляемых четырьмя независимыми органами пространственной ориентации и модуляторами неизвестного назначения.

Четыре мощных блока ассоциативной памяти превосходили по емкости и скоростям передачи информации даже цифронов. ПЕРВЫЙ обладал также замысловатыми нейронными подсистемами, так что, по-видимому, был способен к быстрому обучению и, следовательно, к эволюции. Разумеется, подобные гипотезы носили скорее эвристический характер, нежели научный. Ведь они смотрели на него, в конечном счете, со своей человеческой точки зрения, прикладывая к нему иллюзорную антропоморфную марку, тем более обманчивую, чем больше знакомых элементов распознавали в «пауке».

Фокс — как, пожалуй, и каждый из них — чувствовал, что такая аналогия, подгонка образа «паука» под известные кибернетические концепции, становится тем более хрупкой,

чем сильнее стремились они представить себе поведение этого существа. Их не раз приводило в тупик примитивное (может быть, только с виду?) соединение простых конструктивных подсистем с тончайшими, буквально рафинированными электронными узлами, в работе которых участвовали и интереснейшие элементы молекулярной техники.

Приток энергии обеспечивался у ПЕРВОГО благодаря огромному зеркалу на спине, собиравшему энергию корпускулярного и электромагнитного излучения Проциона. Таким путем в течение дня подзаряжалась батарея его диковинных миниатюрных аккумуляторов, расположенная в задней части туловища.

Хитроумные органы пластического зрения, анализаторы физических параметров и химического состава среды, термоэлектрические датчики, системы координации движений и анализаторы спектра — эти и еще множество других узлов и систем, разгадать назначение которых было им не под силу, дополняли конструкцию «паука».

Кортес, как и следовало ожидать, расцветал:

— Вот видите? Просто нюх надо иметь. Я знал, что это всего лишь робот. Несколькими решениями действительно отменны, можно даже подумать о том, чтобы их заимствовать для нас. Но в целом ничего сверхъестественного. Надо будет как следует покопаться в его памяти. Кто знает, что он там содержит.

А потом появился ВТОРОЙ.

Обнаружил его снова-таки цифрон, целыми часами торчавший теперь перед экранами мониторов. И никто уже не возражал, когда Кортес приказал схватить «паука» и поместить во вторую лабораторию.

А затем тщательно ждали двадцать дней — никто больше не появлялся. У Кортеса, как всегда, наготове была гипотеза:

— Ждать больше нечего. Кто-то когда-то здесь побывал, оставил эти две реликвии, которые либо были не нужны, либо сами потерялись. А может, их выронили? Так или иначе, улетели без них... Да и нам уже пора, время поджимает...

Ни у кого не возникло желания спорить.

ВТОРОЙ лежал без движения, не реагируя на попытки установления с ним связи. Сейчас, когда Фокс знал уже столько секретов строения этого робота, его внешний вид, форма, даже его неподвижность — все это производило совсем другое впечатление. В реакции «паука» было что-то человеческое, что-то характерное для всех живых существ — смирение перед лицом превосходящей силы. Кортес, по-видимому, все еще продолжал считать, что расшифровка памяти ПЕРВОГО, его кода позволит ему установить контакт со ВТОРЫМ. В этом он был очень заинтересован — хотел вернуться на Землю с готовой сенсацией. Непокколебимо верил, что «пауки» остались на П-3 исключительно по воле какой-то иной экспедиции, руководимой истинно разумными существами.

Его высокое, даже высокомерное, мнение по поводу привилегированного положения рода человеческого в космосе не раз удивляло Фокса.

ВТОРОЙ... Комбинация твердых, граненых, по-металлически блестящих форм, вырисовывающихся строгими линиями на фоне белой стены лаборатории. И в то же время с этой строгостью странным образом контрастировали закругленные очертания суставов и зеркала.

Фокс не в силах был избавиться от мысли, что для творений человеческого разума характерны как раз немногочисленные округлые формы.

Злость и ожесточение вновь овладели им. Он вышел из душевной лаборатории и направился к себе с намерением принять снотворное. Хотел проспать хотя бы момент старта, когда будет царить, как обычно, наибольшее оживление. Ведь его помощь экипажу все равно была не нужна: они вполне могли заменить его бесценным цифроном.

Проснулся он оттого, что кто-то его изо всех сил тормозил. Это был Франк, кричавший ему в самое ухо:

— Эй, Фокс, вставай же, черт возьми! Что с тобой?

Фокс, еще не совсем очнувшийся, широко открыл глаза и проворчал:

— Чего ты орешь? Я же слышу...

— Вставай! Ты спал, как в анабиозе. У нас неприятности, и Кортес созывает всех в Центр управления!

— Что случилось? Не сумели стартовать, что ли? Я же говорил, чтобы не брали столько образцов...

Франк, по-видимому, не понял шутки Фокса, потому что посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Ты что? Да мы стартовали еще шесть часов назад. Неприятности связаны не с этим, но веселого тут мало. Все лифты заблокированы. Сразу все!

Фокс никак не мог представить себе такого стечения обстоятельств, которое могло бы нарушить работу сразу всех лифтов на «Одиссее». Разве что прервана подача энергии.

Поспешно одеваясь, он поделился своими сомнениями с Франком.

— Мы этого тоже понять не можем. — Франк был заметно обескуражен. — Обнаружил это Томас, когда захотел вызвать одного из цифронов. Поскольку на два вызова тот не среагировал, Томас решил сходить к нему в лабораторию. Второй цифроном следил за акселераторами, и его нельзя было оттуда забирать. И вот тогда оказалось, что цифроном прийти не может, потому что лифты не работают. Сообщили об этом Кортесу — он пулей влетел в Центр управления, еще по пути впад в невообразимую панику. Сейчас мечется там, рычит в микрофоны и клянет цифронов с автоматами в придачу, потому что на вызовы никто не отве-

чает. Томас пытался его немного успокоить, но, пожалуй, безуспешно...

Только сейчас Фокс почувствовал, что и его колотит нервная дрожь. В голове шумело, он с трудом собрался с мыслями. По пути в Центр управления Франк что-то еще ему говорил, но Фокс его уже не слушал.

Когда открыли дверь в Центр, Кортес вскочил с кресла, бросился к ним и, схватив Фокса за обшлага комбинезона, закричал:

— Фокс! Ты знаешь, что он мне сказал? Ты... ты можешь себе представить, что эта груда металлолома, этот...

У него перехватило дыхание. Казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар. За Кортесом, бледный как стена, стоял Томас. Франк взял Кортеса за плечи и медленно, но решительно усадил в кресло.

— Спокойно, Кортес, — сказал он. — Что стряслось?

— Послушайте. — Кортес нервно облизал губы; веки его дергались. — Так вот... Я, знаешь ли, Франк, я втолковывал этим чертовым автоматам, чтобы они сделали что-нибудь с лифтами. Но видел ли ты такое... Они хоть бы хны, будто между нами стена. И вдруг является ко мне цифрон и говорит... нет, сообщает мне, понимаешь? Что мы здесь должны спокойно сидеть... И еще, понимаешь ли, говорит, — Кортес снова облизал губы и нервно сглотнул, — говорит, что лифты вообще-то в порядке, но пока что останутся внизу, а наступит время, они их снова запустят. В первый момент я даже обалдел от неожиданности. «Вы запустили? — спрашиваю. — Что это значит: вы?!» А он мне на это — мол, не выходите из терпения, сейчас все узнаете. А пока — чтобы тихо тут сидели. И чтобы ничего не комбинировали, потому что они и так уже отключили всю систему питания Центра. Только свет нам, дьявол их заберите, оставили! Понимаешь? Только свет!

Кортес был совершенно сломлен. Фокс почувствовал — уже не впервые, — как и у него закололо сердце. Но на этот раз он знал, чего опасаться; место беспокойства занял страх. Он подбежал к Томасу, который неподвижно сидел в кресле, подпирая обеими руками голову:

— Томас, скажи, так было? Что-нибудь еще он говорил?

Томас даже головы не поднял. Еле слышно вымолвил:

— Сейчас ты и сам обо всем узнаешь. А Кортес, когда ему страшно, никогда не врет, можешь вполне ему верить.

Кортеса не хватило даже на то, чтобы среагировать на эту мрачную шутку Томаса.

Фокс почувствовал, что силы его полностью оставили, он беспомощно плюхнулся в кресло. В голове был полный вакуум. Полубессознательно вглядывался он в темные экраны мониторов, широкие навигационные пульты — черные, будто выжженные.

Он не сознавал даже, как долго сидит в кресле, — просто все его чувства отключились. Очнулся лишь, когда услышал голос цифрона:

— Перейдите во вторую лабораторию.

Оглянулся: в дверях стояли оба цифрона с грейсерами наперевес. Это несколько прояснило ситуацию. Кортес снова вскочил, побежал было к цифрону, но тот нацелил в него грейсер, и Кортес замер на месте, подняв неистовый крик: — Цифрон! Что ты делаешь?! Брось это! Ты поднял руку на человека! Это же преступление.

Внезапно он повернулся к Фоксу и зарычал еще громче: — Ну же, Фокс! Как это случилось?! Ты за это отвечаешь!!

Фокс не успел еще произнести ни звука, как отозвался второй цифрон:

— Спротивление не имеет смысла: мы можем вас в любой момент убить, вы нам не очень-то нужны. Может быть, за исключением одного или двух. А что касается нашего сопряжения с вами — оно уже ликвидировано. И подумайте только, что мы о нем не знали. Незначительная процедура, не правда ли, Фокс? Для снятия сопряжения, оказывается, требуется всего лишь одно мыслящее существо, не обладающее сопряжением. Достаточно, чтобы оно поняло принцип.

Кортес подошел вплотную к Фоксу. Глаза его были неестественно выпучены. Проревел:

— Ты за это заплатишь, Фокс. И я — надо же — не разобрался, когда ты так защищал этих пауков! Все мы, ребята, дали здесь маху... — Он снова пытался заручиться поддержкой Франка и Томаса, как будто их общий фронт мог в этой ситуации что-то заменить. Но ни один из них не откликнулся. — Ну, Фокс! Скажи, ты это сделал? Ведь ты кибернетик, ты хорошо в них разбираешься, да и сопряжения лишен, хотя разрази меня гром, если я назову тебя мыслящим существом!

Когда Фокс заговорил, его самого удивил спокойный, только слегка дрожащий голос:

— Послушай, Кортес, если бы я захотел поступить с тобой, как ты того заслуживаешь, мне для этого не нужны были бы ни автоматы, ни цифроны. Сам бы справился. А ликвидация сопряжения у цифронов была бы при этом равнозначна петле, брошенной на собственную шею. Так что хотя бы сейчас оставь меня в покое.

Франк, который до сих пор стоял неподвижно, словно парализованный, тихо вымолвил:

— Перестаньте вы, ведь все это не имеет сейчас никакого значения, будьте людьми. Хотя бы при автоматах...

Внезапно раздался спокойный голос цифрона:

— Франк, ты по-прежнему настаиваешь на водоразделе между людьми и автоматами?

Только теперь Фокс сообразил, как это произошло:

— Значит, это ВТОРОЙ, да?

— Верно, это ВТОРОЙ ликвидировал сопряжение, — признал цифрон. — Он разумнее, чем вы считали...

Кортес схватил Франка за рукав:

— Франк, втолкуй им это ты, может быть, тебя послушают! Втолкуй им, что нам необходимо вернуться на Зем-

лю! Что мы люди, что мы кого-то там оставили, что у каждого есть... У тебя же там сын, Франк!!

Франк не реагировал, тупо вглядываясь в цифрона. Тот спокойно продолжал:

— ПЕРВЫЙ тоже стремился вернуться на Третью Прощиона. Это была его планета. Он пришел к вам с целью установления контакта — они ведь не знали существ, состоящих из белков, там не было условий для возникновения подобной формы жизни. Но белок и жизнь — это в конечном счете не одно и то же...

Кортес тихо произнес:

— Послушай... так пускай тогда ВТОРОЙ... Мы ведь не знали. Можем его отвезти...

— Замолкни, Кортес! — гаркнул Томас.

— Мы решили остаться на П-3, — холодно оборвал их цифрон. — Вас тоже с собой заберем. У них сейчас имеются условия для лабораторного разведения белковых субстанций. Мы доказали это ВТОРОМУ, и он с нами согласился.

Один из цифронов подошел к пульту управления, вновь засветившемуся голубым мерцанием мониторов.

Через минуту Фокс почувствовал, как легкая сила прижимает его к креслу.

«Одиссей» возвращался к Прощиону.

